

Посещение императором Александром I города Можайска.**По документам Центрального исторического архива г. Москвы**

Славный своей историей город Можайск в лучшие свои времена знавал немало порфиноносных владетелей России, приезжавших сюда и поклониться чудотворному образу Николы Можайского, и поохотиться в богатых разнообразной дичью можайских лесах. Видывал он чужеземные полчища завоевателей, предводимые претендентами и на престол Московских царей, и на мировое господство.

Доподлинно известно место (ныне это Бородинская улица), где стоял дом, в котором одного из таких завоевателей, французского императора Наполеона Бонапарта, после Бородинского сражения на два дня задержал насморк. Но бывал ли в Можайске победитель Наполеона, русский император Александр I? Что вообще могли значить для него Можайск и Бородино?

Александр I много путешествовал, особенно во второй половине своего царствования. Следуя по обширным просторам своей Империи, он проезжал через множество провинциальных городков. До сих пор, однако, сведений, о каком бы то ни было посещении уездного Можайска императором Александром I не имелось.

Можно только предполагать, что он миновал город в июле 1812 года по пути из Полоцка в Москву. В Полоцке, отбывая от армии, Государь подписал свой известный «Манифест о всеобщем вооружении России», заканчивающийся словами: *«Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют!»*¹. Царь торопился тогда в Москву и для того тоже, чтобы поклониться ее святыням, как бы предчувствуя, какую чашу придется испить в скором будущем

первопрестольной русской столице. Если Александр, еще не «Благословенный», и проезжал тогда через Бородино и Можайск, то вряд ли каким-либо образом он выделил это село и этот город среди многих других. В июле 1812 г. одному Богу было известно место будущего генерального сражения Отечественной войны. Боговенчанному же Царю оно открылось лишь в конце августа из донесения главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова: *«Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в двенадцати верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которые только на плоских местах найти можно»*.

Но вот война окончена, русские знамена с победным торжеством явились в Париже. Москва же, *«искупительная жертва не только любезного Отечества нашего, но и всех народов, поработанных жестокому игу властолюбивого тирана»ⁱⁱ*, лежала в руинах. Страшное разорение постигло и те области России, по которым прокатилось нашествие. Что говорить о Бородинском поле, Можайском уезде и Московской губернии вообще? Несмотря на то, что правительство по окончании войны предприняло надлежащие меры к исправлению разрушенного, восстановление продвигалось из рук вон плохо, что и побудило Императора лично вмешаться в текущее положение дел.

26 апреля 1816 г. Можайский уездный предводитель дворянства Александр Иванович Астафьев получил отношение от Московского гражданского губернатора, в котором говорилось о неудовольствии Его Императорского Величества *«...о теперешнем состоянии Московской губернии (,) разоренных неприятелем уездов (, где) более четырехсот деревень еще не обстроены, чего нельзя бы предполагать, судя по тому, что одни дворяне московские получили пособие от казны до двух миллионов рублей; и по самому времени, коего три года протекло уже после изгнания неприятеля. Его Императорское Величество очевидцем изволил быть за границую, как в несколько месяцев возрасли деревни совершенно*

истребленные и выжженные в таких даже местах, где с приближением союзных войск удалось правительству и следовательно ни пособия оказать, ни пецись о них не было в состоянии, но напротив того Его Императорское Величество к прискорбию замечать изволит, что в Можайском уезде из ста пятидесяти осьми деревень ни одной по сие время не исправилось, в следствие чего Его Императорское Величество поручил предмет сей в особенное попечение его высокопревосходительства Г-на главнокомандующаго в Москве... Во исполнение сего высочайшаго повеления, – пишет губернатор, – ... покорнейше прошу приложить с своей стороны приличные дворянам можайского уезда убеждения, чтобы согласно с ожиданием монарха помещики употребили особенное попечение о возобновлении в наступающее лето выжженных деревень...»ⁱⁱⁱ.

Летом 1816 года большая часть разрушенных селений была обустроена. В селе Бородине возобновились Богослужения, но пока только в Сергиевском приделе храма – свидетеля великого сражения. А в сентябре того же года к Александру I обратилась вдова павшего на поле чести генерал-майора А.А. Тучкова с просьбой помочь в сооружении на Бородинских укреплениях, где погиб ее супруг, нового храма. Как известно, Государь не только благосклонно отнесся к затеваемому Маргаритой Михайловной Тучковой делу, но и пожертвовал на постройку церкви половину необходимой суммы – 10 000 рублей, и произошло это в январе 1817 г.

Через год государственные дела привели Императора в Москву. Здесь же Его Величество начал приготовления к отъезду в Варшаву, где намеревался лично открыть первый конституционный сейм вновь созданного им королевства. Вдова Тучкова к тому времени продвинулась в своем предприятии настолько, что уже и три десятины земли под церковь у бородинских помещиков выкупила. Оставалось лишь получить архипастырское благословение. В Московской Духовной Консистории

изучение вопроса по делу генеральши Тучковой началось 20 февраля 1818 г.

В этот же самый день Государь присутствовал на торжественном открытии на Красной площади памятника «гражданину Минину и князю Пожарскому». На другой день он отправился в Варшаву и прибыл в польскую столицу в ночь на 1 марта в 5-м часу^{iv}.

Император в очередной раз проделал неблизкий путь. В камерфурьерском журнале была сделана следующая запись: «21 февраля 1818 г. в четверг. В 7 часов утра государь император с генерал-адъютантом князем Волконским соизволил из столичного града отсутствовать в Варшаву в крытых санях в сопровождении лейб-медика Виллие»^v. Архивное дело из фонда Московской Духовной Консistorии Центрального исторического архива г. Москвы помогло определить, как был проложен его маршрут.

Итак, еще 13 февраля 1818 г. Архиепископ Дмитровский Августин подписал следующий документ: «Консistorия имеет предписать, чтоб при случае высочайшаго шествия Его Императорскаго Величества через город Можайск и по тракту к оному, и от онаго, при всех церквах чинима была священнослужителями надлежащая встреча, на основании Синодских указов, и моих предписаний»^{vi}. Судя по записи на обороте документа, это подлинное «Предписание» отдано было приставу Валериану Легонину во втором часу пополудни. «Посланному же с сим нарочному Приставу Валериану Легонину давать от села до села подводы»^{vii}. Пристав должен был отправиться по Смоленскому тракту. Священникам, служащим в церквах, расположенных по тракту, велено было на «Предписании» «подписаться, а после об оном Консistorии репортовать».

На листе «Предписания» имеются подписи священников, уведомленных о возможном Высочайшем визите, и в том числе сел:

Одинцова, Акулова, Перхушкова, Вязем, Кубинского, Крымского, Пушкина. Последняя подпись на документе такова: *«Указ читал. Воисполнение коего Можайский Градский Троицкий священник Фома (Иона) Матвеев»^{viii}.*

Далее в деле следуют рапорты от священников села Перхушкова и села Кубинского, с сообщением, что Государь был и ко кресту прикладывался у их храмов, соответственно в 9 и в 11 часов по полуночи.

Наконец, не без волнения, был прочитан последний документ дела.

*«В Московскую Духовную Консисторию
из Можайского Духовного Правления
Репорт*

Сего февраля 21 числа Город здешний ошастливлен был прибытием Его Императорским Величеством Всеавгустейшим Государем пополудни в 1-м часу, – встречен был и препровожден Его Императорское Величество с приличною Сей Высокой особе церемонию в лучшем облачении со крестом, и колокольным звоном, и после Обеденного стола при отъезде из города состоящей на тракте Троицкой церкви к священнику со крестом изволил шествовать с бывшим при нем Генералитетством из квартиры пешком, где приложась к оному, – и после при можайском Николаевском соборе близ часовни из экипажа вышедши также изволил прикладываться ко кресту и потом в два часа пополудни же изволил отправиться по Смоленскому тракту в дальнейший путь, о чем Московской Духовной Консистории оное правление за известие и репортует.

*Можайский Протоиерей
Георгий*

*Февраля 25 дня
1818 года»^{ix}.*

Вот и все. Без малого два часа находился Александр I в Можайске,

более столетия до него не встречавшего русских царей. Многого стоит и дата, когда Провидение привело сюда императора из дома Романовых. Именно 21 февраля 1613 г. юный Михаил Федорович Романов соборно был избран на царство.

Через 205 лет его потомок, миновав Можайск, следующую остановку сделал в Колоцком монастыре Смоленской епархии. «Смоленские епархиальные ведомости» сообщали, что в 1818 г. список с Колоцкой иконы Божией Матери был подарен посетившему монастырь императору Александру I.

Нет оснований сомневаться, что из Можайска в Колоцкое император проследовал через Бородино. Во-первых, это был кратчайший путь. Отчего же нарочный пристав не поехал с предписанием владыки Августина дальше Можайска, в Бородино, хотя тот и распорядился о надлежащей встрече Его Величества при шествии его *«через город Можайск и по тракту к оному, и от онаго»*. Может быть, было решено, коль последний храм подчинения Московской епархии на Смоленском тракте – Бородинский – находится в полуразрушенном состоянии, то и останавливаться у него необязательно?

В Можайске (случайно ли?) Александр Благословенный прикладывался ко кресту у Троицкого собора, где похоронены были русские офицеры, раненные при Бородине и умершие в Можайске, да у часовни при Николаевском соборе, построенной можайскими жителями в память павших в Бородинской битве.

А дальше... знает один Господь, о чем думал, и что чувствовал Благословенный Царь, остановившись у двенадцатой версты после Можайска, или просто глядя из окна своего возка на Поле, заметаемое февральской поземкой. Но быть может, мы приблизимся к разгадке, осмыслив слова Императора Александра, сказанные ровно через семь месяцев после описываемых событий: *«Пожар Москвы просветил мою душу, а суд Господень на снеговых полях наполнил мое сердце такой*

жаркой верой, какой я до сих пор никогда не испытывал. Теперь я познал Бога, каким его открывает Священное Писание; теперь я понял и понимаю Его волю и Его закон. Во мне окрепло и созрело решение посвятить себя и свое царствование прославлению Его»^x.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Манифест Александра I о создании земского ополчения. 1812. Июль 6. Лагерь близ Полоцка. Тип. оттиск. // ГБВИМЗ. Ф. 2. Законодательные акты и материалы делопроизводства Высших государственных учреждений Российской Империи последней четверти XVIII – первой четверти XIX веков. Д. 137.

ⁱⁱ Слово пред начатием благодарственного Господу Богу молебствия по случаю покорения французской столицы победоносными российскими и союзными войсками, произнесенное в Московском Большом Успенском соборе апреля 23 дня, 1814 года // *Снегирев И.М.* Очерки жизни Московского архиепископа Августина. Слова и речи преосвященного Августина, с 1801 по 1817 год. М., 1848. С. 53

ⁱⁱⁱ ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 9. О доставлении ведомости о невыстроенных селениях... Лл. 28–29.

^{iv} *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. IV. С. 82–83.

^v РГИА. Ф. 516 «Камер-фурьерский журнал». Оп. 1 (28/1618) 1818 г. Д. 113. Л.д. 65.

^{vi} ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 6634. Лл. 1.

^{vii} Там же. Лл. 2–3.

^{viii} Там же. Лл. 4 об.

^{ix} Там же. Лл. 7.

^x Из разговора с епископом Эйлертом 20 сентября 1818 года // Шиман. Александр Первый. М., 1908. С. 33.